

Василій Якимовъ.

ГОЛОДЪ.

Въ пользу голодающихъ рабочихъ и крестьянъ.

ЦѢНА 15 КОП.

Изданіе книгоиздательства „На разсвѣтъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина. Стремянная ул., д. № 12
1906.

Василій Якимовъ.

ГОЛОДЪ.

Въ пользу голодающихъ рабочихъ и крестьянъ.

ЦѢНА 15 КОП.

Изданіе книгоиздательства „На разсвѣтъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина. Стремянная ул., д. № 12.
1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 марта 1906 года.

I.

Предѣлъ скорби.

Я ѣхалъ въ Батрасы по скверной проселочной дорогѣ.

Батрасы были самое дальнее селеніе отъ нашего уѣзднаго города, гдѣ-то среди лѣсовъ, до которыхъ еще не добрался топоръ хищника—чумазаго, изъ пришлыхъ и туземныхъ помѣщиковъ (есть „чумазые“ и среди нихъ!) и непроходимыхъ болотъ. Въ весеннюю и осеннюю распутицу туда совершенно невозможно было пробраться, и Батрасы въ это время бываютъ совершенно отрѣзаны отъ остальнаго міра, представляя собою какъ бы островъ среди разлившихся непроходимыхъ болотъ. До ближайшаго селенія отъ нихъ было сорокъ верстъ. Въ общемъ это была забытая Богомъ и людьми деревушка, куда рѣдко кто заглядывалъ. Причтъ бывалъ тамъ два раза въ годъ, съ крестомъ по большимъ праздникамъ, становой, когда нужно было „выколачивать“ подати, нашъ исправникъ за всѣ свои десять службы въ нашемъ уѣздѣ только одинъ разъ, а слѣдователь даже ни разу.

Признаюсь, и я ѣхалъ туда съ крайней неохотой, такъ какъ проѣхать сорокъ верстъ по отвратительной кочковатой дорогѣ (если только можно назвать дорогой узенькую колею, часто даже не гатеную и исчезающую въ вязкой болотистой почвѣ, среди болотъ и лѣсовъ)—вещь далеко не изъ пріятныхъ. Но ѣхать было надо, и я поѣхалъ.

— Совсѣмъ на край свѣта ѣдемъ, — ворчалъ даже

мой всегда терпѣливый Степанъ. — Азія... Какъ есть Азія... И народъ—азіать...

— Почему „азіать“?

— Чувашые все... Какъ же не азіать? Молится въ лѣсу, поклоняется пню, вѣнчается вокругъ ели, а черти имъ пѣли.

— Ты, должно быть, не любишь ихъ?

— А почто любить-то ихъ? Грязный народъ... Трусъ... И безтолочь такая, что твоя осина въ лѣсу... Но, но... поворачивайся, лѣнтый! — замахнулся онъ на пристяжную. — Нечего слѣпней-то кормить...

Лошади слабо рванули впередъ, и тарантасъ, потряхиваясь, пошелъ скорѣе.

Выбравшись изъ лѣса, мы опять поѣхали среди болотъ.

— А вонъ и часовня ихняя, — указаль Степанъ куда-то впередъ.

Я посмотрѣлъ по тому направленію и увидалъ небольшую каменную часовенку на краю дороги.

Когда мы сравнялись съ нею, Степанъ придержаль лошадей и сказалъ:

— Ну, какъ не Азія?... Статую молятся... Ишь, черти, точно Керемета нарядили...

Я выѣзъ изъ тарантаса и подошелъ къ часовенкѣ.

Въ нишѣ послѣдней стояла какая-то грубо выдѣланная изъ дерева фигура. По слегка раздвоенной бородѣ я догадался, что мастеръ пытался изобразить Христа. Позади головы было сдѣлано грубо раскрашенное красной краской сіяніе. Фигура была наряжена въ какое-то платье изъ домотканной поскони. Вся часовня была увѣшана разноцвѣтными полинявшими ленточками, тряпочками и деревянными образками, приношеніями усердныхъ богомольцевъ.

— Они сюда ходятъ молиться... — пояснилъ Степанъ. — Думаютъ, что Богу молятся, а выходятъ, что

все-таки попрежнему Керемету своему поганому поклоняются...

Мы поѣхали дальше. Опять показался лѣсъ, который мы скоро проѣхали.

Едва мы выѣхали на опушку, какъ увидали не вдалекѣ передъ собою Батрасы.

— Чего это тамъ дѣлается? — вдругъ сказалъ Степанъ, вглядываясь впередъ.

Я взглянулъ въ указанную сторону и увидалъ массу народа, окружавшую стадо лошадей и коровъ.

У меня мелькнула мысль, не мольбище ли тутъ устраивается, хотя о нихъ у насъ, несмотря на разноплеменный составъ населенія уѣзда, не было слышно.

— Поѣзжай скорѣе, — сказалъ я.

Когда мы подѣзжали къ толпѣ, я увидалъ въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ глиняныя курильницы, изъ которыхъ поднимался вверхъ синеватый дымокъ. Имѣвшіе эти курильницы ходили по стаду и вокругъ него и кадили скотъ, изъ котораго многіе стояли съ понурой головой, воспаленнымъ взглядомъ и безучасно относились къ окружающему. Въ другомъ концѣ стада нѣсколько человѣкъ ходили и что-то пѣли на церковный мотивъ. У одного въ рукахъ была большая совершенно почернѣвшая икона. Ближе къ намъ нѣсколько человѣкъ держали за недоуздокъ, за шею и хвостъ рвавшуюся лошадь, и высокій, коренастый мужикъ рѣзалъ небольшимъ ножомъ какую-то шишку у нея на подгрудкѣ. Кровь лилась на землю, обрызгивала и самого оператора, и стоявшихъ вблизи.

Когда мы проѣзжали мимо, нѣсколько человѣкъ оглянулось назадъ и проводило насъ любопытными взглядами. Видно было, что сторонній человѣкъ былъ рѣдкостью въ этомъ глухомъ углу.

— Поди, здѣсь и взѣзжей-то нѣту, — сказалъ Степанъ, любившій во всемъ, по его словамъ, порядокъ.

А отсутствіе взъѣзжей квартиры было уже порядкомъ.

— Вези куда-нибудь,—сказалъ я.—Вотъ хоть въ эту избу.

Повидимому, Батрасы было селеніе не изъ бѣдныхъ. По крайней мѣрѣ, я такъ судилъ по большимъ избамъ и по тесовымъ крышамъ на нихъ. Но послѣ я узналъ, что это объясняется исключительно близостью и обиліемъ лѣсовъ. На самомъ же дѣлѣ, Батрасы были очень бѣдны, такъ какъ окружающія деревню большія болота сильно суживали площадь пахотной земли.

Мы остановились около избы, и я вытѣзъ изъ тарантаса.

Въ окна глядѣли изумленные лица ребятишекъ съ приплюснутыми къ отливающимъ спектромъ стекламъ носами. Степанъ, шутя, погрозилъ имъ кнутомъ, и маленькіе дикари, какъ горохъ, отскочили отъ окна.

На крыльцо вышелъ мужикъ-чувашенинъ, съ вклоченной бородой, какого-то чалаго цвѣта, въ пестрядиной рубахѣ и портахъ, босикомъ.

— Можно остановиться у васъ?—спросилъ я.

Чувашенинъ немного помолчалъ.

— Остановиться... отчего нельса?.. Мошно остановиться... Пошасте изба...

Я поднялся на крыльцо и вошелъ въ избу.

Изъ-за перегородки, раздѣлавшей избу надвое, испуганно выглядывало нѣсколько женскихъ лицъ и ребятишекъ. На столѣ я увидалъ большую деревянную чашку съ поднимающимся изъ нея кверху паромъ.

— Вы, кажется, обѣдали?—спросилъ я хозяина.

— Та... опѣтатъ котимъ... вонъ папы только пукались тея...—улыбнулся онъ, смотря на бабъ, поспѣшившихъ при этомъ опять спрятаться.

Я подошелъ къ столу. Въ чашкѣ съ поднимающимся паромъ что-то плавало бѣлое.

— Это что вы ѣдите?—спросилъ я.

— Картошка... Тертый картошка, ваши бродіе,—отвѣчалъ хозяинъ.

— Вы, стало быть, изъ богатыхъ?

— Какой покатый!.. Какой покатый!.. — засмѣялся хозяинъ.—Клѣпъ нѣтъ—картошка взяли... Клѣпъ, лепешка изъ него печемъ, квасъ варимъ... Все изъ картошка... Вонъ какой покатый...

При этомъ онъ показалъ мнѣ на плотный, бѣловатый и тяжелый, безъ ноздрей хлѣбъ, лежащій вонзлѣ.

Я отломилъ кусокъ его. Онъ круто отломился, какъ черствый, не смотря на то, что былъ свѣжъ. Ъсть все же его было можно, разумѣется, предварительно привыкнувъ.

— А что это у васъ за народъ собрался тамъ на околицѣ?—спросилъ я, вспомнивъ давешнюю встрѣчу.

— Скотину съ иконамъ ходимъ... Скотину... Больно много скотинка помираетъ, лошадка, коровъ... Страсть помираетъ... У меня твѣ коровки помиралъ...

Я началъ расспрашивать о болѣзни и рѣшилъ, что животныя погибаютъ отъ сибирской язвы, сильно ходившей въ то лѣто по уѣзду, благодаря сильной засухѣ и продолжительнымъ жарамъ.

Я вспомнилъ при этомъ того мужика, который разрѣзалъ карбункулъ у лошади. Несомнѣнно, что кровь и лимфа, въ изобиліи текшая изъ раны на землю и обрызгивавшая и оператора, и стоявшихъ около людей и животныхъ, могла служить агентомъ дальнѣйшаго распространенія эпизоотіи.

— Да вы мѣры принимаете какія нибудь?—спросилъ я.

— Какъ же... какъ же... принимали...

— Какія же?

— А вотъ иконъ подымали... Мошетъ, святой Микола помируетъ...

Въ это время въ избу вбѣжала старуха и что-то начала говорить по чувашски хозяину.

Тотъ тоже что-то отвѣтилъ, хлопнулъ руками по бокамъ и побѣждалъ вслѣдъ за нею вонь.

Я послѣдовалъ за ними.

Тамъ, подъ навѣсомъ, на землѣ билась лошадь. Ея рыжая шерсть была всклоочена, глаза широко раскрыты и обнаруживали безумный животный страхъ, ноги судорожно вытягивались и сгибались въ суставахъ... Животное тяжело дышало, хрипѣло и бросало на насъ испуганные взоры...

Хозяинъ и баба стояли возлѣ, тупо смотря на бьющееся животное, не зная чѣмъ помочь ему...

Не было сомнѣнія, что лошадь металась въ сибире-язвенныхъ коликахъ.

Я наклонился было надъ лошадыю, но въ эту минуту она какъ-то громко вздохнула, сильно забилась и вытянула впередъ ноги...

Черезъ минуту она была мертва...

Громкій вой бабы и плачъ вышедшихъ изъ избы ребятишекъ привелъ меня въ себя.

— Еще есть?—спросилъ я хозяина.

— Послѣдняя,—глухо отвѣчалъ онъ.

Я поскорѣ ушелъ со двора.

— Гдѣ бы найти старосту?—спросилъ я чувашенина-хозяина, войдя въ другую избу.

Хозяинъ сидѣлъ за столомъ и что-то ѣлъ.

За послѣднюю пору во время своихъ разъѣздовъ я взялъ привычку обращать вниманіе на всякій попадающійся на глаза пищевой матеріалъ.

Въ бытность мою въ этотъ годъ въ губернскомъ городѣ, я попалъ въ одинъ кружокъ умныхъ людей. Сидя за хорошимъ ужиномъ, мы повели рѣчь о голодѣ. Хорошіе это были люди: они признавали голодъ. Стали обсуждаться мѣры помощи голодающимъ.

— Но что же дѣлать тому населенію, которое долгое время не получаетъ хлѣба, благодаря тому, что баржи замерзали въ устьѣ Камы?—спросилъ я.

Одинъ изъ этихъ умныхъ людей, причастный даже къ наукѣ, сказалъ на это:

— Ну, пусть пока суррогатами кормятся.

— То-есть, это какими-же?—осмѣлился спросить я.

— О, Господи!.. Да развѣ ихъ мало?.. Вотъ лебеда...

— Лебеды въ нынѣшнемъ году не уродилось.

— Ну, желудь, избоина... мало ли что? Все прекрасные суррогаты...

— Иначе говоря, вы, ничто же сумняшеся, предлагаете набивать желудокъ разной маловаримой и даже совсѣмъ неудобоваримой дрянью?

— Э... что тамъ...—отвѣчалъ мнѣ на это „человѣкъ науки“.—Повѣрьте, у русскаго мужика желудокъ луженый... Топоръ и тотъ переварить...

Я, конечно, не сталъ съ нимъ спорить о достоинствѣ этихъ „прекрасныхъ суррогатовъ“ и „луженомъ желудкѣ“ русскаго мужика.

Этотъ „человѣкъ науки“ и его „прекрасные суррогаты“ вспомнились мнѣ, когда я взялъ въ руки лежавшее на столѣ что-то похожее на кусокъ черной грязи.

Я отвѣдалъ его. Вязкая, кислая масса застревала на зубахъ, навязая въ ихъ расщелинахъ, такъ что пришлось прибѣгнуть къ зубочисткѣ для удаленія отсюда этой мерзости.

— Это что же такое?—спросилъ я хозяина.

Оказалось, что это хлѣбъ изъ такъ называемой дуранды, или избоины, т. е. выжимокъ изъ подъ льняного сѣмени, остающихся послѣ приготовления постнаго масла. Съ примѣсью муки изъ него готовится кислый хлѣбъ, изъ одной же дуранды—„прѣснущки“, т. е. еще большая гадость.

Съ позволенія хозяина, я отломилъ кусокъ этого суррогатнаго хлѣба (каюсь, съ злой цѣлью: поднести его въ будущемъ „человѣку науки“, ратующему за „прекрасные суррогаты“ и „луженый мужицкій желудокъ“).

— А ты не тохтурь путешь?—спросилъ меня хозяинъ.

— Нѣтъ. А что?

— Та вотъ пратанъ у меня лежитъ. Все котилъ, котилъ, а тутъ и слегъ.

— Гдѣ онъ у вась?

— А въ сатней комнатѣ лежитъ.

Мы пошли туда. Въ сѣняхъ я увидалъ нѣсколько мѣшковъ.

— Это что?—спросилъ я.—Хлѣбъ?

— Нѣтъ... это листь... осиноый листь... Мякина льняная...

— Для скотины?

— Сачѣмъ для скотины?.. Сами ѣсть путемъ... Туранта выйдетъ—листь, осину ѣсть путемъ...

Я содрогнулся... Если у русскаго мужика, по теоріи „человѣка науки“, желудокъ луженый, то у чувашенина онъ, кромѣ того, еще покрытъ какимъ-то особымъ составомъ, противостоящимъ всякимъ воздѣйствіямъ, въ родѣ дуранды, осиноваго листа и мякины изъ льняного сѣмени...

— Ну, а если и мякина выйдетъ?—спросилъ я.

Чувашенинъ тупо посмотрѣлъ на меня и затѣмъ апатично отвѣтилъ:

— Што-жъ?.. Помирать путемъ...

Сколько было тупой покорности въ этихъ немногихъ словахъ!

У меня невольно сжалось сердце...

Мы вошли въ заднюю половину. Тамъ въ полумракѣ, среди невообразимой грязи чувашскаго жилища, лежалъ мужикъ съ открытыми глазами, но съ бессмысленнымъ, ничего не понимающимъ взоромъ. Очевидно, у него уже было воспаление мозга.

Я пощупалъ его. Онъ былъ весь горячій. Сдернувъ съ него какую-то дерюгу, я увидалъ разбросанныя по тѣлу темныя пятна.

Сомнѣнія не могло быть: это былъ пятнистый тифъ, „самый сезонный“, вспомнилось мнѣ выраженіе коро-жанскаго доктора.

— Помреть, вашпротіе?—спросилъ меня хозяинъ.

Я пожалъ плечами.

— Навѣрное,—отвѣчалъ я.

— Не снаешь, чѣмъ лѣчить?—спросилъ дальше онъ.

— А вы лѣчили его чѣмъ нибудь?

— Какъ же... какъ же... колтунъ присывалъ. Онъ его водой спрыскивалъ... Коворилъ что-то въ воду-то... Какъ-же, лѣчилъ...

Я напрягъ свою память, сталъ собирать въ умѣ обрывки знаній о пятнистомъ тифѣ и передавалъ ихъ хозяину.

— Такъ, такъ,—повторялъ все тотъ, какъ будто внимательно вслушиваясь въ мои слова.

Но я плохо вѣрилъ въ его исполнительность.

— А кормите-то его чѣмъ?—спросилъ я.

Оказывается, тюрей изъ дурандоваго хлѣба.

Едва я вышелъ изъ избы, какъ ко мнѣ подошелъ мой Степанъ.

— Ты что?—спросилъ я.

— А я вотъ вамъ принесъ въ подарокъ,—осклабился тотъ.—Можетъ захватите съ собой.

И разжалъ передо мною обѣ зажатые горсти. Въ одной былъ бѣловатый, въ другой сѣроватый, сухой порошокъ.

— Это что же?—спросилъ я.

— А это я вонъ въ той избѣ нашель... Бобылка тамъ одна живетъ, такъ у ней.

— А снаю, снаю,—сказалъ стоявшій возлѣ меня чувашенинъ,—это — Огашъ... Она сама... Мужъ солтатъ былъ... Померъ то лѣто...

— Но это что же такое?—продолжалъ спрашивать я, смотря на порошокъ въ рукахъ Степана.

— А это опилка...

— Опилки?

— Та, вашбродіе... Опилка... Съ мукой мѣшаютъ и ѣдятъ...

— А другое?

Другое оказалось гнилушками, которыя сушатъ, толкутъ и изъ смѣси съ мукой пекутъ хлѣбъ.

„О, Господи!..—проносилось у меня въ умѣ.—До чего изобрѣтателенъ мужикъ относительно питанія!.. Даже „людямъ науки“ далеко до этой изобрѣтательности!..“

И на душѣ становилось тяжело на эти „луженые мужицкіе желудки“...

Чѣмъ дольше я ходилъ по Батрасамъ, тѣмъ все больше видѣлъ полную безпомощность деревни. Чуть не полъ-деревни лежало въ цынгѣ и тифѣ и „хронически недоѣдало“.

— Что же, докторъ бываетъ у васъ?—спросилъ я старосту.

— Нѣтъ, доктора мы не видали...

Доктора не видали—народъ болѣетъ и мретъ; столовыхъ нѣтъ—и „луженые мужицкіе желудки“ употребляютъ „прекрасные суррогаты“, въ видѣ дуранды, осинового листа и даже опилокъ и гнилушекъ; ветеринарной помощи нѣтъ—и скотина, послѣдняя въ хозяйствѣ, глуподохнетъ отъ сибирской язвы...

Отъ этого могли волосы стать дыбомъ...

Да и то сказать: кто поѣдетъ въ эту средиболотную и лѣсную глушь? Отсюда и голосъ не выносится наружу, и никто въ цѣломъ мірѣ не знаетъ о той страшной нуждѣ, которая царитъ здѣсь, гдѣ люди сотни лѣтъ тихо жили, тихо голодаютъ и болѣютъ и также тихо, съ тупой покорностью судьбѣ, умираютъ. Въ другихъ деревняхъ были ходатаи за крестьянскую нужду; помѣщики, истинная quasi-интеллигенція, даже знаменитая сельская полиція (особенно послѣ „признанія“: тутъ отыскиваніе нуждающихся даже въ своего рода

спортъ превратилось!). А въ Батрасахъ этого ничего не было. Это былъ совершенно заброшенный уголокъ въ мірѣ, никѣмъ незнаемый, гдѣ „предѣлъ скорби“ достигалъ высшей точки. Нужда и болѣзни находили тамъ широкое поле, и противъ нихъ чувашенинъ могъ принимать только свои „мѣры“; противъ голода—дуранду, опилки и гнилушки; противъ тифа и цынгы—колдуны и наговоренная водица; противъ сибирской язвы—окуриваніе ладаномъ, разрѣзаніе карбункуловъ и поднятіе иконы.

Черезъ день я уѣзжалъ изъ этого жалкаго угла.

— А вѣдь окуриваніе-то не помогло,—сказалъ мой Степанъ, влѣзая на козлы.—Скотины-то еще больше валится.

Я вспомнилъ о лужахъ заразной крови, лившейся подъ ножомъ деревенскаго коновала и распространяющей еще большую заразу.

— Я ихъ и спрашиваю,—продолжалъ Степанъ:—отчего-жъ, молъ, не помогло-то?..—А, должно быть, говорятъ, не того угодника поднимали...

Когда мы проѣзжали мимо избы, гдѣ я видѣлъ тифознаго больного, то увидалъ въ окнѣ чье-то лицо. Присмотрѣвшись къ нему, я узналъ того самого тифознаго, должно быть, оправившагося.

Степанъ тоже узналъ его.

— И живучи же эти чувашы!—сказалъ онъ.—Какись, совсѣмъ оклематься хотѣлъ, а тутъ, на поди... Святымъ духомъ ожилъ...

Я тоже подивился живучести чувашъ, лѣчащихся наговоренной водицей, питающихся разной антигигиенической гадостью, которая и для здороваго-то вредна, и тѣмъ не менѣе прекрасно выздоравливающихъ,—и въ душѣ невольно шевелился вопросъ:

— А къ чему все это?.. Неужели все для того, чтобы затѣмъ опять тащить тяжесть убогой, жалкой, безпросвѣтной жизни, полуголоднаго существованія, что бы

жить для того, чтобы только вполонину наѣдаться, зачастую голодать и безропотно умирать, не ожидая себѣ ни откуда, ни отъ кого помощи?..

И что-то внутри меня, въ глубинѣ сердца и въ тайникахъ души, протестовало противъ этой жалкой, бессмысленной жизни...

II.

Въ кусочки.

Старикъ, одѣтый въ какое-то невозможное рванье, въ изорванной шапкѣ, изъ которой лѣзли пучки пакли и съ котомкой изъ синей дерюги черезъ плечо, заслышавъ колокольчики нашей пары, испуганно посторонился къ краю запорошенной снѣгомъ дороги.

Это былъ—татаринъ. Мелкія морщины избороздили все его желтое лицо, съ подслѣповатыми, слезящимися и ежеминутно мигающими глазами, съ длинной сѣдой, съ желтыми прядями, бородой. Палка тряслась въ его рукахъ.

— Въ кусочки,—подумалось мнѣ.

Не мало видѣлъ я за это время стариковъ и дѣтей, выгнанныхъ безпощадной нуждой этого года на новую тяжелую для нихъ дорогу—„въ кусочки“.

Мой ямицикъ тоже татаринъ, перекинулся съ нищимъ нѣсколькими словами по татарски.

— Откуда онъ?—спросилъ я его, когда наши лошади оставили мужика далеко позади.

Сафа полуобернулся ко мнѣ на облучкѣ и отвѣчалъ:

— Нашъ... ахметьевскій. Старикъ удна. Малайка (дѣти) его малъ—мала есть. Два малайка. Собирать пошелъ.

— Что-жъ у него семья есть.

— Сынъ удна былъ. Помиралъ нунъче. Бульна мнуга народа помиралъ нунъче! Ай-ай, какъ мнуга! Дочь его больной лежитъ. Апать надо. Ну, онъ и айда милостинка собирать.

Скорбные и хорошо знакомые въ этотъ годъ рассказы.

Мы въѣхали въ какую то татарскую деревеньку.

Вездѣ стояли раскрытыя крыши, на которыхъ вмѣсто соломы безобразно и беспомощно торчали вверхъ деревянные горбыли. У самой околицы стояла худая истощенная лошадь, съ взъерошенной клочковатой шерстью, съ худыми боками, сквозь кожу которыхъ рельефно проступали ребра и торчали костистые моклоки. Она тупо поглядѣла на насъ угасшими, безжизненными глазами и проводила жалобнымъ взоромъ.

— Хузяинъ выгналъ лушадка,—сказалъ Сафа.

-- Зачѣмъ?

— Курмить іокъ. Посылка—іокъ, сулума—іокъ,—айда гуляй на улица.

— Но вѣдь ее могутъ угнать?

— Айда гуляй, Твой лушадка будетъ: карми тулька малъ-мала, пожалста.

— Но почему же хозяинъ не продастъ или не прирѣжетъ ее на мясо? Вѣдь вы лошадинныи махантъ ѣдите. А въ этомъ все же пудовъ восемь мяса наберется.

— Хузяинъ жалѣетъ,—усмѣхнулся Сафа.—Жалко лушадка сѣкимъ башка. Бери лушадка, только корми ее, не рѣзай, пожалста.

Черезъ улицу перебѣжалъ одѣтый въ одну рубашенку, несмотря на холодное осеннее время, татарченокъ. Онъ останоился и уставилъ на нихъ свои черные, блестящіе, какъ угольки, на блѣдномъ апатичномъ личикѣ, испуганные глаза. Лицо у него было тонкое, безкровное, съ втянутыми щеками. Видно было сразу, что онъ долгое время „недоѣдалъ“.

— Замерзнешь. Зачѣмъ плохо одѣлся?—крикнулъ ему по-татарски Сафа.

— Одѣтъ нечего,—по-татарски-же отвѣчалъ тотъ и юркнулъ куда-то въ сторону.

Иногда попадались взрослые, также съ апатичными лицами, вялыми движеніями, невѣрной походкой, шагающіеся изъ стороны въ сторону, похожіе болѣе на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей.

Сафа показалъ мнѣ кнutomъ на раскрытыя крыши.

— Всю сумуму скотинка апалъ. Юкъ сулума. Теперь сувеѣмъ аптрагамъ! Яманъ! Пумирать надо скутинѣ. Ую-юй, какой годъ! Какой плухой годъ!—завертѣлъ онъ головой.

— Айда, гляди, пожалста,—вдругъ указалъ онъ кнutomъ направо.—Гляди пожалста.

Я взглянулъ по указанному направленію.

Тамъ около изгороди стояла лошадь и грызла деревянную перегородку.

Мы проѣхали дальше.

— А у васъ въ Ахметьевѣ есть столовая?—спросилъ я Сафу немного погодя.

— Юкъ. Юкъ стуловая. Далекій деревня, малый деревня,—никто не знаетъ. Народъ шибко гулодный, Ой-ой, какой гулодный!..

Такихъ, забытыхъ гдѣ-то въ глубинѣ уѣздовъ Богомъ и людьми, деревушекъ, было въ тотъ черный годъ не мало. Люди о нихъ не вспоминали, не несли туда своей помощи — и деревня молчала, безропотно недоѣдала, голодала, болѣла цынгою и тифомъ и также безропотно вымирала. Робкіе, жалобные голоса не доносились оттуда до центровъ, объ этихъ углахъ никто не зналъ, не слыгалъ ихъ тихихъ стоновъ, не интересовался ими. И одному только Богу извѣстно число такихъ забытыхъ уголковъ въ голодающихъ губерніяхъ!..

Мы пріѣхали въ Ахметьево.

— Въѣзжая есть у васъ?—спросилъ я Сафу.

— Мы тебя воземъ къ муллѣ. Мулла у насъ славный. Ахунъ. Къ нему воземъ.

Сафа ударилъ по лошадямъ и съ ямщицкимъ шикомъ, насколько къ нему способны были наши измученныя лошади, подѣхалъ къ двухъ-этажному деревянному зданію, недалеко отъ мечети.

Въ окно выглянуло сѣдое бородатое лицо муллы.

Я вылѣзъ изъ саней и поднялся по крыльцу въ сѣни. Дверь изъ послѣднихъ отворилась — и на порогѣ показался самъ мулла.

— Салямъ маликамъ,—сказалъ я, снимая шапку и протягивая ему руку.

Мулла сдѣлалъ любезное лицо и, пожимая мнѣ руку обѣими руками, отвѣчалъ:

— Маликамъ салямъ. Маликамъ салямъ. Гулай къ намъ. Гость будешь.

Онъ широко распахнулъ передо мною двери въ комнаты.

Въ нашемъ уѣздѣ татары живутъ довольно чисто. У нихъ почти въ каждомъ домѣ есть для гостей чистая половина, устланная коврами, со множествомъ подушекъ, оклеенная картинами религіознаго содержанія, въ родѣ изображенія Мекки или „Пути ко спасенію“.

Въ такую половину привелъ меня и мулла.

— Не хлопочи, пожалуйста, много, мулла,—сказалъ я, видя его бѣгающимъ изъ комнаты въ комнату и хлопочущаго, должно быть, о моемъ угощеніи.—Я ничего не хочу, кромѣ чая.

— Ай-ай, какъ можно!.. Такой гость... Надо угощать...—отвѣчалъ онъ, мотая своей бритой головою въ тубетейкѣ и уставляя на полу на коверъ груды лепешекъ, какихъ-то пряниковъ, баранокъ и чайный приборъ.

— Какъ у васъ, мулла, въ Ахметьевѣ?—спросилъ я, когда мы успѣли влить въ себя нѣсколько глотковъ горячаго чая.

— Плохо. Ой-ой, какъ плохо! Совсѣмъ аптрагамъ!..

Народъ по міру пошелъ. Много помиралъ. Руки, ноги крючить, горячкамъ лежить, сусѣмъ плохо. Скотинка апать нечего. Тоже умираетъ,—веснамъ пахать нечѣмъ будетъ. Сусѣмъ въ разоръ народъ пошелъ...—началъ жалобнымъ голосомъ причитать онъ.

Да, да. Все это такъ. То же самое, тѣ же самыя картины я видѣлъ, тѣ же самыя разговоры я слышалъ не разъ во время моихъ разъѣздовъ въ этотъ черный годъ. Вездѣ народъ голодалъ, хворалъ, не чая себѣ ни откуда помощи—и въ то же время находились люди, которые говорили объ „оргіи благотворительности“, о развращающемъ вліяніи „дарового кормленія“, тормазили, въ тѣхъ или иныхъ видахъ, эту помощь. Да простить имъ Богъ за ихъ блудливый языкъ и ихъ противодѣйствіе дѣлу спасенія ближняго!

— Коронить усталъ! Вотъ какъ народъ помиралъ,—продолжалъ монотоннымъ голосомъ мулла, нагоняя тѣмъ на меня большую и большую тоску:—Другой день два—три покойникъ мазаркамъ несешь. Ай-яй, плохо! Стуловой нѣтъ, дохтуръ нѣтъ. Совсѣмъ аптрагамъ!

— А отъ голоду умирали?—съ тревогой задалъ я страшный вопросъ.

Мулла недовѣрчиво покосился на меня и затѣмъ, подумавъ, уклончиво отвѣчалъ:

— Алла знаетъ. Человѣкъ ходитъ-ходитъ, худой такой, апать нѣтъ. Ложится, и нѣтъ его.

Отвѣтъ былъ уклончивъ, но...именно такъ и было въ этомъ глухомъ углу и ему подобныхъ: голодные ходили, а потомъ умирали, кто скажетъ—отчего?

Я вспомнилъ, что мнѣ надобно что-то взять изъ вещей въ тарантасѣ и, вставъ, вышелъ на дворъ. Мулла вышелъ тоже со мной. Тамъ, на крыльцѣ стояла татарка и разговаривала съ стоявшими внизу двумя ребятами, мальчикомъ и дѣвочкой, съ котомками черезъ плечо. Увидавъ насъ, она закрыла лицо рукавомъ и поспѣшно ушла въ комнаты.

Мулла спросилъ что-то ребятишекъ. Татарченко въ отвѣтъ вывернулъ свою котомку, въ которой ничего не было. Мулла что-то закричалъ въ комнаты.

— И много у васъ такъ ходятъ по-міру?—спросилъ я, когда мы вернулись въ комнаты.

— Ай-яй, какъ много!—замоталъ головой мулла.—Полдеревни будетъ. Вотъ какъ много.

Полдеревни „въ кусочки“! Есть отъ чего придти въ ужасъ! И невольно возникалъ въ умѣ вопросъ, не безынтересный для своеобразной статистики: сколько всего въ тотъ годъ людей пошло „въ кусочки?“

Въ это время въ комнату вошелъ молодой татаринъ и что-то быстро сталъ говорить, отчаянно жестикулируя руками. Мулла вскочилъ на ноги и быстро выбѣжалъ вонъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прибѣжалъ опять.

— Ай-яй, какой бѣда!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его слышались тревожныя ноты.

— Что тамъ?—спросилъ я.

— Человѣкъ тамъ умираетъ.

— Человѣкъ умираетъ?—удивленно спросилъ я, поднимаясь на ноги.—Гдѣ?

— Старикъ удна тамъ. Сусѣмъ какъ мертвый. Айда, помогай, пожалста.

Я вышелъ съ нимъ изъ дому.

На заваленкѣ бокомъ лежалъ тотъ самый старикъ-нищій, котораго мы давеча обогнали на дорогѣ. Лицо у него было блѣдно, какъ полотно, глаза закрыты и тонкія, безкровныя губы плотно сжаты.

Я взялъ его за руку. Пульсъ былъ слабый, нитевидный.

— Надо перенести его въ тепло,—сказалъ я муллѣ.

Тотъ сказалъ что-то уже успѣвшей образоваться кучкѣ татаръ, и двое изъ нихъ, взявъ старика подъ руки и за ноги, понесли въ избу.

Со мною былъ коньякъ, и я влилъ чайную ложку его сквозь крѣпко сжатые зубы старика. Черезъ нѣ-

сколько времени онъ открылъ глаза и слабымъ мутнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на насъ.

На вопросъ муллы, онъ пожевалъ своимъ ртомъ и, немного помолчавъ, началъ тихо, съ частой передышкой, что-то рассказывать. Мулла слушалъ, часто покачивая головой и изрѣдка ударяя руками по поламъ своего пестраго халата.

— Ай-ай-ай! Вотъ такъ дила!—обратился, наконецъ, онъ ко мнѣ, когда старикъ кончилъ рассказывать.— Двѣ сутки не ашаль бабай!

— Двое сутокъ?

— Нисяво не ашаль,—подтвердилъ мулла.—Куска хлѣба во рту не былъ.

— Но вѣдь у него же въ сумкѣ есть хлѣбъ? Насбиралъ же онъ что-нибудь.

— А у него два баранчукъ есть,—объяснилъ мулла:— внуки. Аный (мать) больной лежитъ. Бабай пошелъ добрымъ людямъ просить, не дасть-ли малъ-мала чего. Немножко насбиралъ—бульно мало. Онъ и не ашаль, а внукамъ все несть. Давича видалъ малайки? Его внуки. Вотъ какой дила!—опять замоталъ головой мулла.

Я стоялъ пораженный и чувствовалъ, что у меня чуть дыбомъ волосы не встаютъ,—и въ то же время у меня въ душѣ поднималось удивленіе къ героизму этого престарѣлаго старика, два дня ничего не ѣвшаго чтобы принести домой нѣсколько корокъ и накормить ими внучатъ.

А такихъ безвѣстныхъ героевъ въ тотъ годъ голодающій край выдѣлялъ не мало.

III.

Около цыгги.

— Ну, что, какъ у васъ?—спрашивалъ я у молодого помѣщика Сергѣя Павловича Каратаева, сидя въ кабинетѣ его усадьбы при селѣ Корожанахъ.

— То-есть, это вы насчетъ голода?—отвѣчалъ онъ.

— Ну, конечно... Вѣдь это теперь вопросъ дня.

— Вотъ какъ,—усмѣхнулся онъ,—даже и въ „центрахъ“?

— Даже и тамъ,—подтвердилъ я.

— Увѣровали, значить?

— Увѣровали.

— „Недородъ“—то по боку—и голодъ?

— Именно.

— Такъ, — еще разъ усмѣхнулся онъ. — Давно бы пора... Теперь будутъ пожертвованія... Столовыхъ заведемъ побольше... А то смотрите: наши Корожаны село громадное, а только три столовыхъ: двѣ для малолѣтнихъ и стариковъ и одна для цыгготныхъ... Нѣтъ средствъ больше.

— Чѣи столовые?

— Для цыгготныхъ отъ Краснаго Креста, а двѣ на частныя пожертвованія. Священникъ у насъ съ учителемъ орудуютъ много... Особенно второй: и въ газеты писалъ, призывалъ къ пожертвованіямъ, и по базарамъ самъ ѣздитъ провизію закупать... Дѣятельный старикъ.

— А цыгготныхъ много?

— Порядочно: человекъ съ сотню наберется.

— Такъ много?—удивился я.

— Что жъ тутъ такого? Богъ дастъ, и больше будетъ, если не откроемъ еще нѣсколько столовыхъ...

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль число цыгготныхъ возросло въ Корожанахъ до четырехъ сотъ.

— А кстати: не хотите ли посмотрѣть на врачебный пріемъ? Сегодня какъ разъ докторъ пріѣхалъ изъ участка.

Я изъявилъ желаніе, и мы, одѣвшись, отправились.

Подходя къ взѣзжей квартирѣ, гдѣ происходилъ пріемъ земскаго врача, мы увидѣли около нея цѣлую толпу народа. Одни стояли на ногахъ, другіе же,—и такихъ была большая часть,—сидѣли на землѣ, на снѣгу. Я сталъ вглядываться въ лица. Блѣдные, испитые, по большей части, безъ кровинки, съ апатичными, усталыми глазами, съ безучастнымъ выраженіемъ. Нѣкоторые какъ-то странно выговаривали слова, точно имъ больно было произносить ихъ, ежеминутно неестественно поджимая губы.

Къ избѣ то и дѣло подходили новыя лица... Многіе еле двигались, какъ-то кряхтя и стона отъ боли, безучастно смотря передъ собою, какъ бы осторожно обдумывая каждый свой шагъ.

Вотъ идетъ старикъ, сгорбившись отъ какой-то тяжелой ноши за спиной... Когда онъ подошелъ поближе, то ношей этой оказалась старуха, не могущая самостоятельно двигаться отъ болѣзни и, должно быть, истощенія...

Въ сѣняхъ также было биткомъ набито народу... Многіе лежали на полу, стона и хрипло кашляя... Мы едва протискались черезъ эту толпу... Дверь еле открыли,—ее держали притворенной прислонившіеся къ ней нѣсколько крестьянъ, которые ожидали своей очереди...

Принимавшій больныхъ врачъ былъ среднихъ лѣтъ субъектъ, съ черной бородой и въ золотыхъ очкахъ.

Сергѣй Николаевичъ насъ познакомилъ.

— Полюбоваться пришли?—усмѣхнулся докторъ.— Да, да...—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта,—есть на что... Вы ужъ меня извините... Я буду продолжать пріемъ... А то вонъ ихъ сколько тамъ,—и дѣ вечера не кончишь...

Мы присѣли около стола, гдѣ молодой фельдшеръ возился съ лѣкарствами.

— Ну, ты, подходи,—произнесъ докторъ, обращаясь къ молодой бабѣ.

Та подошла къ столу.

— Что у тебя?

Бабенка вмѣсто отвѣта разинула ротъ.

Не было сомнѣнія, что это цынга... Покраснѣвшая, воспаленная слизистая оболочка рта, разрыхленные десны, гнилостный запахъ изо рта... Докторъ надавилъ пальцемъ на десну... Изъ-подъ пальца выступила маленькая капля крови...

— Покажи ноги,—обратился онъ къ бабѣ.

На ногахъ оказались синебагровые кровоподтеки различной величины... Картина, сама по себѣ, отвратительная...

— Суставы болятъ?—спросилъ докторъ.

— Чаво?—не поняла баба.

— Ноги ломить?

— Охъ, ломить, батюшка... ломить... Страшно ломить...

Докторъ взялъ клочокъ бумажки и, что-то написавъ на немъ, подалъ бабѣ.

— Въ столовую.

— Дай тебѣ Богъ добраго здоровья, батюшка...—закланялась баба.

На лицѣ ея была написана радость, и она торопливо совала бумажку за пазуху.

— Иванъ Алексѣевичъ,—обратился докторъ къ фельдшеру,—дайте ей полосканіе изъ ложечниковой травы да растиранья для ногъ...

— Слѣдующій,—обратился онъ къ толпѣ...

Подошелъ мужикъ, лѣтъ сорока пяти, съ блѣдно-землистымъ цвѣтомъ лица, съ взъерошенной головой и бородой.

— Что у тебя?

— Охъ, батюшка, нельзя ли меня въ столовую записать...—жалобнымъ голосомъ произнесъ онъ.

— А что у тебя болить?

— Всего разломило, сударикъ мой... какъ есть всего... Ничего не могу дѣлать... Руки не поднимаются (онъ съ трудомъ поднималъ руки, которыя затѣмъ безсильно упали внизъ), ноги еле ходятъ (къ столу онъ подошелъ колеблющейся походкой)... Совѣмъ моей силушки нѣту...

И мужикъ безсильно осунулся книзу... Углы рта какъ-то судорожно дрожали...

Докторъ осмотрѣлъ его... Но цыгги не оказалось... Просто этотъ человѣкъ ослабъ отъ долгаго „недоѣданія“.

— Ну, дядя,—сказалъ докторъ, окончивъ осмотръ,—въ столовую тебя я помѣстить не могу...

Мужикъ испуганно вскинулъ на него свои безцвѣтные, мутные глаза.

— Какъ-же такъ?—дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ.

— Если бы у тебя цынга была, такъ тогда другое дѣло... Тогда бы помѣстилъ... У насъ столовая только для цынготныхъ...

— Батюшка!.. Да вѣдь я тоже больной,—жалобнымъ голосомъ говорилъ мужикъ.—Мочи моей нѣту... Силу въ никакихъ...

— Нельзя,—произнесъ докторъ.

Мужикъ началъ просить, но изъ этого ничего не вышло: столовая была только для цынготныхъ. Докторъ съ этой точки зрѣнія былъ правъ.

Мужикъ, чуть не плача, ушелъ... Докторъ отъ волненія еле владѣлъ собой...

— А сколько симулянтовъ приходитъ—страсть!..—обратился онъ къ намъ, немного погодя.—Изголодался человѣкъ, вотъ и создаетъ себѣ искусственную цыngu, чтобы попасть въ столовую...

— То есть, это какъ же?—удивился я.

— А очень просто! Исковыряетъ себѣ десна булавкой, натретъ ихъ чѣмъ-нибудь твердымъ—пескомъ и золой, чтобы покраснѣли, возьметъ въ руки палку, чтобы показать, что у него болятъ суставы ногъ... Если можно было бы сдѣлать искусственные кровоподтеки, такъ и это сдѣлали бы... Пока нѣтъ столовыхъ для всѣхъ голодающихъ, мы должны заботиться только о цынготныхъ... Скрѣпя сердце, отказываешь остальнымъ... Ну, старикъ, подходи,—обратился онъ къ сѣдому дѣду съ трясущейся головой.

И опять потянулись цынготные, съ разрыхленными, кровоточащими деснами, съ скрюченными членами, съ ужасными петехіями на тѣлѣ.

Голова кружилась отъ этихъ картинъ.

— А тифу сколько ходитъ,—произнесъ докторъ.

— Много?

Онъ безпомощно махнулъ рукой.

— Страсть!.. Самый сезонный,—усмѣхнулся онъ,—голодный... Да и какъ не быть ему?.. Кромѣ того, тутъ есть цѣлыя селенія, особенно мордовскія, сплошь зараженные сифилисомъ... Попадается много туберкулезныхъ... Значить, почва для худосочія готова... Что говорить: скверный годъ!..

— А помощники у васъ есть?

— Мало... Хотя все-таки есть... И „Красный Крестъ“ посылаетъ, и частныя лица, и комитеты... Студенты старшихъ курсовъ, курсистки, фельдшера, фельдшерницы... Все народъ молодой, работающій, готовый положить душу свою за други своя... Нѣкоторыхъ даже придерживать приходится, чтобы не надорвались... Особенно тѣхъ, которые помоложе... Слава Богу, есть еще честная молодежь на Руси...

Мы распростились съ докторомъ и вышли.

IV.

Въ голодающей деревнѣ.

Въ Корожанахъ половина русскихъ, половина татаръ.

Когда мы пробрались сквозь толпу въ сѣняхъ на улицу, Сергѣй Павловичъ обратился ко мнѣ:

— Хотите посмотрѣть, чѣмъ питаются тѣ, которые не имѣли счастья захворать цынгой?

Я, конечно, охотно изъявилъ желаніе.

Сергѣй Павловичъ посмотрѣлъ на часы.

— Самое обѣденное время,—произнесъ онъ.

Мы прошли одну улицу. Почти на всѣхъ избахъ соломенные крыши были разобраны: надо же было чѣмъ нибудь кормить скотину.

— Зайдемте сюда,—произнесъ Сергѣй Павловичъ, указывая на одну низенькую избенку съ почернѣвшими окнами. Соломенная крыша на ней тоже была разобрана.

— Все скоту стравили,—произнесъ Сергѣй Павловичъ.—А какъ нечѣмъ стало кормить, такъ и скотину на базаръ повели... На многихъ дворахъ курицы не осталось...

Мы вошли во дворъ... Мнѣ бросилась въ глаза валявшаяся по срединѣ двора старая колода. По краямъ ея виднѣлись свѣжіе слѣды зубовъ.

— Видите,—сказалъ Сергѣй Павловичъ.—Это скотина съ голоду грызла...

Мы вошли на крыльцо... Дверь со скрипомъ отворилась...

Въ избѣ, низенькой, почернѣвшей, вся семья собралась за столомъ... Татары... Я насчиталъ девять душъ, изъ которыхъ пятеро малышей... При скрипѣ двери всѣ обернулись на насъ.

— Саламъ маликамъ (здравствуйте),—сказалъ Сергѣй Павловичъ.

Старый дѣдъ, съ длинной сѣдой бородой, отвѣчалъ на привѣтствіе.

— Ашаешь?

— Да... ашать катимъ...

Мы подошли къ столу. На немъ стоялъ большой желѣзный тазъ, наполненный какой-то мутной, бѣловатой жидкостью.

— Знаете это что?—спросилъ меня Сергѣй Павловичъ.—Это горячая вода, въ которой сварено нѣсколько горстей муки... Ни овощей, ни крупы, ни мяса. Та же лошадиная болтушка, да только пожизнее ея... Вотъ и вся ѣда... Казеннаго пайка, конечно, не хватаетъ, такъ какъ онъ выдается только на ѣдоковъ, а ѣсть-то всѣ хотятъ..

Мы вышли вонъ.

Тяжелыя думы одолѣвали меня... О, какъ я въ эту минуту хотѣлъ помѣстить на мѣсто этихъ голодающихъ всѣхъ тѣхъ, которые говорили о томъ, что нужда увеличивается, что земства и газеты муссируютъ ее, что выдача казеннаго вспомошествованія только развращаетъ (кого развращаетъ? этотъ голодный, не могущій ходить, не могущій работать народъ?), что у насъ гдѣ чуть недородъ, такъ начинается настоящая „оргія благотворительности“ (вѣдь и выдумали словечко)!.. Хороша „оргія“!.. Вспомнились и тѣ препятствія, которыя ставились частнымъ лицамъ и комитетамъ при открытіи ими столовыхъ...

И я съ озлобленіемъ отшвырнулъ попавшійся на землѣ мерзлый кусокъ навоза...

Мы зашли въ другую избу.

Тѣ же истомленные, безкровныя лица... Старикъ дѣдъ, свѣсивъ голову сверху, съ палатей, безучастно смотритъ на насъ своими воспаленными, подслѣповатыми глазами... Ребятишки жмутся около печки... Бабы сидятъ у станковъ и ткуть холстъ... По ихъ движеніямъ лѣнливымъ, неоживленнымъ, видно, что для этого оживленія имъ не хватаетъ силы, что онѣ „недоѣдаютъ“.

— Здѣсь то же самое,—промолвилъ Сергѣй Павловичъ.—Если не хуже... Скотина-то какая осталась?—обратился онъ къ мужику, вставшему при нашемъ входѣ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, никакой скотины не осталось,—отвѣчалъ тотъ.—Надняхъ лошаденку продалъ въ Малтанахъ за пятнадцать цѣлковыхъ... Вотъ на эти деньги кормимся...

— Вотъ видите... У крестьянъ мелкій скотъ по зимамъ все въ избахъ живетъ... А теперь въ горницѣ вонь какъ чисто...—замѣтилъ Сергѣй Павловичъ.

— За грѣхи все Богъ наказываетъ,—зашамкалъ съ печи дѣдъ.—За грѣхи... Опутали всю землю желѣзной проволокой; телеграммой, желѣзныхъ полосъ наложили... Всее ее, матушку, въ желѣзо заковали... Ситцы пошли, чаи да карасины... Все отъ него, отъ нечистаго... За грѣхи все...

Мы вышли на улицу.

— Хотите еще зайти?

— Нѣтъ, будетъ,—отвѣчалъ я.—И этихъ картинъ достаточно... А скажите, бывали случаи смерти отъ голода?

— Бывало и это... хотя держится въ секретѣ... „несвоевременно“ опубликовать...—усмѣхнулся Сергѣй Павловичъ.—Нашъ священникъ съ осени пустилъ въ церковную сторожку одного старика... Недавно онъ померъ... И священникъ говоритъ, что онъ увѣренъ, что старикъ этотъ умеръ отъ истощенія на почвѣ хроническаго голоданія... А вотъ кстати изба,—показалъ онъ на покачнувшуюся избенку.—Недѣли двѣ тому назадъ здѣсь я напелъ всю семью, поголовно лежавшую безъ движенія... Думали—отъ цынг... Оказывается, что они просто отоцали отъ голода... Ну, мы подкормили ихъ все-таки... Теперь немного двигаются...

Навстрѣчу попалась намъ маленькая дѣвочка съ сумой черезъ плечо... Она робко посмотрѣла на насъ и торопливой походкой прощмыгнула дальше.

— Побирается?

— Да... Только едва ли чего собрала... Подавать-то нечего...

— А знаете,—продолжалъ онъ, немного погодя:—въ сосѣднемъ селѣ Аркановѣ одинъ мужикъ зарѣзлся...

— Неужели... съ голоду?—вырвалось у меня.

— Съ голоду,—подтвердилъ Сергѣй Павловичъ.

Волосы дыбомъ у меня встали...

— У него въ одну недѣлю жена и дочь отъ цынг померли... Онъ помѣшался отъ этого... Къ тому же организмъ былъ истощенъ отъ голодовки... Онъ и того...

Въ это время на встрѣчу намъ изъ-за угла вышелъ молодой парень съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ... Шелъ онъ тяжело, опираясь на палку. Ни кровинки не было на его лицѣ, на его блѣдныхъ губахъ...

„Цынготный“,—подумалось ему.

Парень остановился и съ улыбкой глядѣлъ на насъ.

— Ты что, Лазаревъ?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Павловичъ.

Парень пытался улыбнуться какой-то страдальческой улыбкой.

— Приняли, Сергѣй Павлычъ, меня... Приняли... Слава тѣ, Господи!..

И парень зашагалъ дальше неровной шатающейся походкой...

— Знаете, чему онъ радуется?—спросилъ Сергѣй Павловичъ.—Тому, что онъ заполучилъ цыngu... А въ силу этого его будутъ кормить въ столовой...

— Это ужасно!..—произнесъ я.

— Э, такіе ужасы теперь на каждомъ шагу,—махнулъ рукой Сергѣй Павловичъ.

— Не зайти ли въ столовую?

Я съ большой охотой согласился.

Столовая произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Чистая комната, посрединѣ которой стояло два длинныхъ стола, вычищенныхъ скребками. На третьемъ, меньшемъ, столѣ лежали нарѣзанные куски хлѣба. Три стряпухи, одѣтые чистенько, встрѣтили насъ съ поклонами.

— Что, откормили?—спросилъ Сергѣй Павловичъ, не замѣтившій нарѣзаннаго хлѣба.

— Нѣтъ. Сергѣй Павлычъ, сейчасъ придуть...

— Это дѣтская столовая, — пояснилъ онъ.

Я попробовалъ хлѣбъ. Онъ оказался прекрасно пропеченнымъ, съ пріятнымъ запахомъ.

— По скольку даете?

— По полфунту... Да только въ столовой не всѣ ѣдятъ его... Только горячимъ питаются...

— Почему?

— А домой относятъ его... Дома вѣдь у каждаго есть, кто не имѣетъ права столоваться здѣсь...

Между тѣмъ въ сѣняхъ послышался топотъ множества ногъ и гулъ голосовъ. Разъ въ отворившуюся дверь просунулась дѣтская рожица.

— Ну, пущать пора, — произнесла старуха.

Она отворила дверь, и дѣти, не торопясь, точно сознавая, что тутъ происходитъ важное дѣло, начали входить...

Проходя мимо насъ, они кланялись и произносили — Здравствуйте!..

Мы отвѣчали на ихъ поклоны.

Затѣмъ они стали около столовъ и, когда шумъ смолкъ, дружно запѣли „Отче нашъ“ и молитву передъ обѣдомъ.

Стряпухи тѣмъ временемъ накладывали въ большія деревянные чашки мясныя щи (былъ Филипповскій постъ) и подавали ихъ на столъ. Каждый изъ ребятишекъ вытаскивалъ свою ложку, — и работа началась...

Я видѣлъ, какъ блѣдныя до того лица дѣтей прояснялись, какъ краска выступала на нихъ... Въ глазен-

кахъ заискрился огонекъ, присущая дѣтямъ шаловливость просыпалась въ нихъ...

Я замѣтилъ, что тремъ-четыремъ дѣтямъ стряпуха наливала изъ другого горшка.

— Это почему?—спросилъ я.

— А этимъ родители не позволяютъ ѣсть скоромнаго, — отвѣчала стряпуха. — Имъ постное варимъ.

По взглядамъ, бросаемымъ этими дѣтьми на своихъ товарищей, было ясно видно, что родительское приказаніе имъ далеко не по сердцу, и имъ больше бы хотѣлось поѣсть скоромнаго. Но родителей они не смѣли ослушаться.

Мы вышли изъ столовой.

Кончившіе обѣдать ребятишки высыпали на улицу. Кое-гдѣ началась бѣготня, стали бросать другъ въ дружку снѣжками.

„Какъ немного надо человѣку, чтобы быть довольнымъ“, — подумалось мнѣ.

И опять вспомнились мнѣ разглагольствованія о развращающемъ дѣйствіи бесплатнаго кормленія, объ „оргіи благотворительности“...

